

МАЗЕША.

П О Э М А

Лорда Байрона.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СЕМЕНА.

1844.

МАЗЕША.

ПОЭМА

ЛОРДА БАЙРОНА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, 7 Сентября, 1844 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

Celui qui remplissait cette place était un gentilhomme Polonais , nommé Mazeppa , né dans le palatinat de Podolie : il avait été élevé page de Jean Casimir , et avait pris à sa cour quelque teinture des belles-lettres. Une intrigue qu'il eut dans sa jeunesse avec la femme d'un gentilhomme Polonais ~~ayant~~ été découvert , le

mari le fit lier tout nu sur un cheval farouche, et le laissa aller en cet état. Le cheval qui était du pays de l'Ukraine, y retourna et y porta Mazeppa, demi-mort de fatigue et de faim. Quelques paysans le secoururent : il resta long-temps parmi eux, et se signala dans plusieurs courses contre les Tatares. La supériorité de ses lumières lui donna une grande considération parmi les Cosaques : sa réputation s'augmentant de jour en jour, obligea le Czar à le faire Prince de l'Ukraine.» — *Voltaire, Histoire de Charles XII, pag. 196.*

Le Roi fuyant , et poursuivi , eut son cheval tué sous lui ; le colonel Gieta , blessé , et perdant tout son sang , lui donna le sien. Ainsi on remit deux fois à cheval , dans la fuite , ce conquérant qui n'avait pu y monter pendant la bataille. » — *pag. 216.*

Le roi alla par un autre chemin avec quelques cavaliers. Le carrosse où il était rompit dans la marche ; on le remit à cheval. Pour comble de disgrâce il s'égarra pendant la nuit dans un bois ; là , son courage ne pouvant plus suppléer à ses forces épuisées , les

VIII

douleurs de sa blessure devenues plus insupportables par la fatigue, son cheval étant tombé de lassitude, il se coucha quelques heures au pied d'un arbre , en danger d'être surpris à tout moment par les vainqueurs qui le cherchaient de tous côtés. ? . — *pag. 218.*

I.

То было послѣ дня Полтавы,
Когда любимецъ бранной славы
Оставленъ счастьемъ, и предъ нимъ,
Подъ громомъ брани роковымъ,
Его войска въ песокъ, въ пыли
За славу мертвыя леги.

И славы блескъ — онъ не вѣрнѣй
Своихъ поклонниковъ людей —
Къ Царю съ тѣхъ поръ перелетѣлъ,
И валъ Москвы остался цѣль
До дня ужаснѣйшей борьбы,
До года грозныя судьбы,
Когда славнѣйшій врагъ — герой

Простился съ славой боевой.

Онъ больше могъ онъ глубже палъ ,
Ударъ въ Москвѣ , — но гулъ повсюду
прозвучалъ.

II.

Таковъ былъ грозной смерти страхъ :
Сраженный Карлъ бѣжить въ степяхъ
И день и ночь , чрезъ даль полей ,
Чрезъ токи водъ , среди мечей ,
Обрызганъ кровію своей
И падшихъ за него людей.

Не мало грозный мечъ пожалъ
Сподвижниковъ , но не звучалъ
Ни чьихъ упрековъ грозный гласъ
Предъ честолюбцемъ въ страшный часъ ,—
За тѣмъ , что вѣрнымъ не страшна
Ни смерть , ни сила , ни война.

Убить былъ конь подъ королемъ,
 Но Гета отдалъ своего
 И умеръ самъ въ плѣну, рабомъ;
 И, не страшась ничего,
 Конь долго короля носилъ,
 Пока упалъ лишенный силъ :
 И въ сумракѣ лѣсныхъ тѣней,
 Среди сторожевыхъ огней,
 Вездѣ разложенныхъ врагомъ,
 Король садится подъ кустомъ.
 Такъ вотъ и лавры и покой!
 Въ борьбѣ съ природой и судьбой,
 Въ глуши безжизненныхъ лѣсовъ,
 Оставленъ онъ... По каплѣ кровь
 Течетъ изъ ранъ, — нѣтъ больше силъ.
 Ужь часъ полночный наступилъ;
 Ужасный часъ! полночь темна;
 Минутную отраду сна
 Огонь горячки разогналъ;
 Но Карлъ — герой не унывалъ.

Томясь отчаянной борьбой,
 Считалъ судьбу своей рабой;
 И точно — вотъ съ бичемъ своимъ
 Она смирилась передъ нимъ.

III.

Толпа вождей — увы! она
 До крайности уменьшена,
 Слаба, но храбра и вѣрна, —
 И каждый сѣлъ въ нѣмой тоскѣ
 Подлѣ монарха на пескѣ.
 Съ нимъ конь его: боязнь цѣпей
 И безсловесныхъ и людей
 Всегда роднитъ между собой,
 Всѣ вмѣстѣ въ бѣгство, вмѣстѣ въ бой.
 Мазепа также среди другихъ
 Свой войлокъ на листахъ сухихъ
 Кладеть. Онъ грозень и суровъ,

Согбенъ подъ бременемъ годовъ,
 Но смѣль и тихъ, зоть страшно онъ.
 Далекимъ бѣгствомъ утомлѣнь.
 Коня онъ треплетъ своего,
 Изъ листьевъ ложе для него
 Готовить, старою рукой
 По гривѣ гладить и долой
 Узду, — слабѣй ремни подпругъ, —
 И смотреть, какъ пасется другъ.
 Доселѣ ужасался онъ,
 Что тяжкимъ бѣгствомъ утомленъ,
 Удамый конь въ росѣ ночной
 Не подкрѣпитъ себя травой.
 Но онъ былъ бодръ, какъ господинъ:
 Степей питомецъ, бури сынъ,
 Сносилъ и брани и труды,
 Не спотыкался отъ бѣды,
 Но былъ понятливъ и уменъ:
 Какъ вѣтръ въ степяхъ былъ воленъ онъ;
 Но смиренъ: тотчасъ прибѣгалъ,

Когда его Мазепа звалъ:
 Предъ нимъ стоялъ послушень, тихъ,
 И зналъ его среди другихъ.
 Хоть было тысячи людей
 И ночь безъ звѣздъ и тьмы темнѣй,
 Но онъ туда, гдѣ господинъ,
 Бѣжалъ средь горъ и средь равнинъ. —

IV.

Потомъ Мазепа — плащъ долой,
 И дротикъ на землю: рукой
 Ощупалъ, все-ли цѣло съ нимъ,
 Слегка потрясъ ружьемъ своимъ,
 На полкъ порохъ осмотрѣлъ, —
 Кремень въ замкъ остался-ль цѣлъ,
 Цѣла-ли сабля и ножны
 И пули какъ уложены.

И вотъ онъ роется въ сакѣ,
 Готовить пищу на пескѣ
 И раздаетъ ее рукой
 Съ спокойной гордою душой.
 И Карль съ улыбкою беретъ.
 Свой ужинъ ѣсть и воду пьетъ,
 Бѣды и раны позабылъ
 И рѣчь къ Мазепѣ обратилъ. —
 « Никто изъ насъ, — хоть всѣ въ бояхъ,
 Въ походахъ, въ полѣ и въ степяхъ,
 Мы сильны духомъ и рукой, —
 Не можетъ равнымъ быть съ тобой
 Въ дѣлахъ : но скупъ ты на слова.
 Съ тѣхъ поръ, какъ носится молва,
 Отъ Александра до сихъ дней,
 Такихъ друзей свѣтъ не раждалъ,
 Какъ ты и этотъ Буцефаль :
 Изъ славныхъ Скиѳи коней
 Едва-ль одинъ когда скакалъ,
 Какъ онъ, чрезъ воды средъ полей.»

»Ту школу страшно вспоминать,
Гдѣ научился я скакать.»

«Э! полно, расскажи скорѣй
Проказы юности своей.»

»Не скоро можно рассказать,
А далеко еще бѣжать,

И много бѣдъ придется снестъ,
И часто крыться отъ враговъ,
Пока не будутъ кони ѣсть

Травы съ днѣпровскихъ береговъ.

Притомъ-же вы утомлены

И бѣгствомъ и концемъ войны;

Засните, — я-же въ этотъ часъ

На стражѣ стану подлѣ васъ.» —

«Но мнѣ ты прежде обѣщаль

Ту повѣсть,» Карль въ отвѣтъ сказалъ:

«Да кстати, можетъ быть, она

Мнѣ принесетъ блаженство сна,

А то надежда на покой

Далеко отъ души моей.» —

«Коль такъ, Мазепы былъ отвѣтъ, —
 «Готовъ я сбросить бремя лѣтъ
 На время съ памяти моей:
 Кажись, въ началѣ свѣтлыхъ дней
 Моей двадцатая весны,
 Какъ Казимиръ былъ королемъ
 А я, какъ пажъ, служилъ при немъ —
 Шестъ лѣтъ: — король ученый былъ
 И не похожъ на васъ: — войны
 И перемѣнъ онъ не любилъ,
 И кромѣ сейма — все при немъ
 Покоилось пресладкимъ сномъ. —
 За то любилъ онъ музъ да дамъ:
 Порой, случалось видѣть намъ,
 Словами нѣжными онъ
 Въ него вдыхали страсть къ войнѣ:
 Но тотчасъ онъ позабывъ.
 Все то, что прежде замышлялъ,
 Увлечшись новою красой
 Иль новой книгою: порой

Въ его дворцѣ былъ пиръ горой,
 Весь городъ устремлялъ свой взоръ
 На пышный королевскій дворъ.
 Премудрымъ славилъ его
 Поэты, кромѣ одного,
 Что сплелъ сатиру на него,
 За то, что скупѣ онъ платилъ. —
 Поэтъ писалъ, что онъ не льстилъ.
 Изъ каждахъ усть стихи лились,
 И риемы съ риемами плелись;
 Я самъ тогда стихи писалъ,
 Собралъ, печаталъ и назвалъ
 Я ихъ *отгаанный Турзисѣ*.
 Тамъ жилъ извѣстный Палатинъ:
 Отъ знатныхъ предковъ, — властелинъ
 Огромныхъ минъ и рудниковъ,
 Садовъ, помѣстьевъ и домовъ.
 Былъ гордъ, какъ можно угадать;
 Гордился тѣмъ, что онъ богатъ,
 Что родословная его

Идетъ отъ Лека самаго,
Что предки сдѣлали, — считалъ
Своимъ; ни чѣмъ не уступалъ
Въ богатствѣ трону: — но жена...
Совсѣмъ не то была она.
Тремя десятками годовъ
Моложе мужа: отъ оковъ
Томилась; много тайныхъ думъ
Желаній, страховъ и надеждъ
Тревожили ей женскій умъ:
И вотъ изъ истомленныхъ вѣждъ
Катится свѣтлая слеза
Послѣдней вѣрности глаза
Обсохли, — ночь иль двѣ безъ сна, —
Потомъ она окружена
Приманкой глазокъ и баловъ
И танцевъ, пѣсень и стиховъ:
И вотъ холодная краса
Легка, какъ лѣтняя роса;
А въ титлахъ графа есть одно

Съ сихъ поръ; мнѣ кажется, оно
 Мужьямъ для гордости дано, —
 Но рѣдко кто гордится имъ,
 Какъ достояніемъ своимъ.»

V.

Я былъ — (теперь могу сказать
 Безъ самохвальства) — молодцомъ :
 Едва-ли кто такъ могъ блистать
 Предъ дамами и предъ дворомъ
 Изъ юношей и изъ мужей,
 Изъ знатныхъ, графовъ и князей,
 Какъ я: тогда я молодъ былъ,
 Былъ храбръ и веселъ, живъ и милъ,
 Тогда я не имѣлъ сѣдинъ,
 Ни мрачныхъ взоровъ, ни морщинъ:
 Но время, войны и труды

Давно уж провели бразды
И на щекахъ и на бровяхъ;
Горѣлъ огонь въ моихъ очахъ.
Я знаю, духъ мой не упаль
Съ годами: можетъ быть, я сталъ
Смѣлѣе, а не то — для васъ
Въ беззвѣздный, полуночный часъ,
Подъ мрачной неба пеленой,
Я-бъ не рассказывалъ проказъ
Удалой юности моей.

Краса Терезы — вотъ она
Какъ призракъ радостнаго сна,
Межъ этимъ яворомъ и мной,
Окружена ночью мглой,
Стоить. Такъ память у меня
Свѣтлѣй безоблачнаго дня.

Нѣтъ — на рассказъ не станетъ силъ:
Какъ стройный станъ ея былъ милъ.
Восточная краса очей,
Гдѣ Турковъ пламенную кровь

Смирила польская любовь,
Была, мнѣ кажется, темнѣй
Беззвѣздныхъ, полнощныхъ небесъ :
Но иногда тотъ нѣжный блескъ,
Что восходящая луна
Среди полунощнаго сна
Украдкой сыплеть надъ землею,
Играль въ очахъ ея со мглой.
Полу-огонь , полу-томна,
И вся любовь — тогда она
Красой блистала предо мной,
Такъ блещуть, съ жизнію земной
Прощаясь, томныя уста.

А бровь — такъ лѣтнею порой
Съ прозрачной озера водой
Играетъ нѣжный солнца лучъ,
Когда ни вѣтръ, ни тѣни тучъ
Не смѣютъ въ воздухѣ гулять
И тихой влаги волновать, —

А небо съ радостнымъ лицомъ
 Какъ въ зеркалѣ глядится въ немъ.
 Уста ланиты, страстный взоръ.....
 Да я любилъ и до сихъ поръ
 Люблю ее, — каковъ я есть :
 Въ любви моей добро и мечь
 И злота... тѣнь прошедшихъ дней,
 Когда любовь была сильнѣй,
 Въ моей душѣ еще живетъ
 И долго, вѣчно не умретъ.

VI.

Вотъ встрѣча—я смотрѣлъ, вздыхалъ,
 Я говорить съ ней начиналъ;
 Сама ни слова, — но отвѣтъ
 Всегда готовъ, — и будто нѣтъ
 Понятныхъ знаковъ и безъ словъ,
 Невольной искры двухъ умовъ?

Изъ переполненныхъ сердець
Сперва таинственна, темна,
И долго сжатая, она
Блеснетъ зарею наконецъ,
И знойной цѣпью обовьетъ
Сердца и души, и сожжетъ
Ихъ волю, какъ изъ тучи громъ,
Всепожирающимъ огнемъ.
Я видѣлъ, слышалъ, я вздыхалъ,
Возмолвно слезы проливалъ
И долго скорбь свою тайлъ,
Пока завѣтный часъ пробилъ,
Когда возможно стало мнѣ
Быть съ ней въ тиши, наединѣ.
Я съ ней рѣшился говорить,
Хотѣлъ ей страсть свою открыть;
Но замирали на устахъ
Слова, — въ несвязанныхъ рѣчахъ
Мой голосъ трепетно звучалъ —
До времени. Я съ ней игралъ

Преглупой карточной игрой, —
И вотъ — вечернею порой, —
Не помню мѣсяца и дня,
Не помню, что тогда меня
Настроило, — я не считалъ,
Выигрывалъ или терялъ;
Довольно было мнѣ сидѣть
Подлѣ возлюбленной, смотрѣть
На красоту ея очей,
И слышать звукъ ея рѣчей.
Какъ сторожъ, я ее берегъ:
(О 'если-бъ этотъ мракъ такъ могъ
Теперь сберечь насъ!) — вотъ она,
Задумчива, тиха, томна,
Утраты, выигрышъ считать
Не можетъ, — но еще играть
Готова: будто чѣмъ она
Была къ столу привлечена,
Однакожъ вовсе не игрой.
Тогда блестящею зарей

Блеснула мысль въ душѣ моей,
 Что этотъ полный нѣги взоръ
 Совсѣмъ не смертный приговоръ
 Вѣщаетъ мнѣ. За мыслью въ слѣдъ
 Уже для словъ преграды нѣтъ. . .
 Хоть и безсвязныя слова
 Я лепеталъ предъ ней, — она
 Ихъ выслушала разъ и два,
 Съ улыбкой свѣтлой, какъ весна.
 И такъ въ груди у ней не ледъ
 И не отказъ меня тутъ ждетъ.

VII.

Я былъ любимъ и самъ любилъ,
 Король! мнѣ кто-то говорилъ,
 Что вы не знали надъ собой
 Владычества души чужой:

Коль правда, нужно сократить
 Рассказъ и къ дѣлу приступить
 Скорѣй, не то пустымъ онъ вамъ
 Покажется. Но всѣмъ-ли намъ
 Дано всемошною судьбой
 Могущество — владѣть собой
 Я князь, иль лучше — княземъ былъ,
 Владѣль народомъ, предводилъ
 Войсками; но съ собой самимъ
 Не сладилъ. Да я былъ любимъ,
 Любилъ, ласкалъ ее, лобзаль
 Но послѣ тяжело пострадалъ.
 Мы тайно встрѣтились: тотъ часъ
 Былъ часомъ радости для насъ.
 Я былъ у ней и, вмѣстѣ съ ней,
 Ни дней не видѣлъ, ни ночей,
 И послѣ, въ множествѣ годовъ,
 Я не вкушалъ такихъ часовъ.
 Да — я готовъ-бы былъ отдать
 Всю власть сею, чтобы опять

Пожить, какъ прежде: быть пажемъ,
 Да сердцемъ милой, да мечемъ
 Своимъ по прежнему владѣть:
 Другихъ стяжаній не имѣть,
 Кромѣ здоровья да даровъ
 Природы. Къ дѣлу. Тайно мы
 Встрѣчались подъ покровомъ тьмы.
 Двойная сладость, говорятъ,
 Украдкой поцѣлуй рвать;
 По мнѣ не такъ. Я радъ былъ дать
 Все счастье прежнихъ юныхъ дней,
 Чтобы назвать ее своей:
 Довольно послѣ я страдалъ,
 За то, что тайно цѣловалъ.

VIII.

Для любящихъ не мало глазъ:
 Случилось то-же и у насъ.
 Самъ дьяволъ,—впрочемъ, можетъ быть

Его напрасно оскорбить
Хочу я, — или кто другой
Шутиль надъ ней и надо мной.
Но только кто-то насъ двоихъ
Засталь при свѣтѣ звѣздъ ночныхъ.
Супругъ отъ бѣшенства дрожалъ,
Я безъ оружія стоялъ
Предъ нимъ: но если-бъ я былъ въ сталь
Закованъ съ головы до ногъ,
Противу всѣхъ, что сдѣлать могъ?
То былъ-же загородный домъ,
Одни поля, да степь кругомъ;
Живой души въ пустынь нѣтъ,
А только брезжился разсвѣтъ.
Я думалъ, мнѣ не долго ждать
Конца, и жизнь свою отдать
Рѣшился съ теплою мольбой.
Они ведутъ меня съ собой
Черезъ дворъ, въ ворота и за валь.
Судьбы Терезы я не зналъ

Съ тѣхъ поръ: со мной разлучена,
Пропала безъ вѣсти она.
Супругъ — надменный Палатинъ
Рвался, — да впрочемъ и причинъ
Довольно: но въ его глазахъ
Сильнѣе всѣхъ причинъ былъ страхъ,
Что въ родословную его
Взойдетъ немного кой-чего.....
Притомъ-же благородный щитъ
Теперь былъ пятнами покрытъ
А онъ, къ тому себя считалъ
Первѣйшимъ изъ людей, и ждалъ,
Что и въ глазахъ другихъ всегда
Онъ будетъ тѣмъ-же безъ труда.
Съ другими, очень можетъ быть,
Король его могъ помирить:
Но съ ловкимъ, молодымъ пажемъ
Смирился-бъ — развѣ подъ ножемъ. —

IX.

Коня сюда! — Конь приведенъ, —

И точно чудный конь былъ онъ!

Дитя украинскихъ степей,

Питомецъ воли и полей;

Казалось мнѣ, что бѣгъ его

Быстрѣ вѣтра самаго.

Но онъ былъ дикъ, какъ звѣрь степный,

Не тронуть шпорой и уздой,

И какъ нарочно для меня.

Былъ пойманъ только за два дня.

Онъ фыркалъ, гриву поднималъ,

Копытомъ билъ, храпѣлъ и ржалъ,

Весь въ пѣнѣ, роя землю, онъ

Ко мнѣ — сынъ степи — подведенъ,

И каждый членъ мой былъ на немъ

Привязанъ кожаныиъ ремнемъ. —

Ударъ нагайкой — со всѣхъ ногъ

Пустился конь среди степей :
 Не могъ нестися насъ быстрой
 Ни вѣтръ, ни бѣшенный потокъ

Х.

Летимъ... Въ груди духъ замиралъ
 Я не видалъ, гдѣ онъ скакалъ :
 Разсвѣтъ... конь, въ пѣнь и въ пыли,
 Едва касается земли.
 Все мертво, пусто все вокругъ —
 И вотъ звучитъ послѣдній звукъ: —
 То дикій смѣхъ моихъ враговъ
 За мною въ слѣдъ, какъ звукъ роговъ,
 На крыльяхъ вѣтра прилетѣлъ:
 Я отъ досады коченѣлъ
 И вдругъ, рванувшись, разорвалъ
 Ремень, и голову поднялъ,
 И страшнымъ крикомъ отвѣчалъ

На хохоть палачей моихъ:
 Но не слыхалъ никто изъ нихъ,
 За тѣмъ, что звучный бѣгъ коня
 Скрывалъ и заглушалъ меня:
 А жаль! то страшный былъ обѣтъ
 Отмщенья, ужасовъ и бѣдъ, —
 И послѣ я его сдержалъ;
 Гдѣ прежде замокъ тотъ стоялъ,
 Отъ стѣнъ, рѣшетокъ и мостовъ,
 Отъ зданій, рововъ, воротъ, валовъ
 Остатковъ нѣтъ на тѣхъ мѣстахъ, —
 Нѣтъ ни былинки на поляхъ,
 И развѣ въ трещинахъ печей
 Растетъ трава изъ кирпичей.
 Я видѣлъ — то было при мнѣ —
 Какъ башни таяли въ огнѣ,
 Я слышалъ трескъ сѣдыхъ зубцовъ,
 Паденье стѣнъ и стонъ валовъ,
 Я видѣлъ съ кровель упадаль,
 Какъ дождь, расплавленный металлъ

Но это только мести тѣнь.
Они забыли страшный день,
Когда, громовою стрѣлой,
Летѣлъ я по степи нѣмой,
Въ предсмертныхъ мукахъ,—но живой.—
Они не думали, что вновь,
Нося съ собой огонь и кровь,
Съ десятью тысячами коней
Явлюсь я среди тѣхъ полей
За ласки графа наградить
И за коня благодарить.
Они шутили надо мной,
Когда, поймавъ во тьмѣ ночной,
Вязали къ пѣнистымъ бокамъ —
И я шутилъ не хуже самъ.
Повѣрьте, то, что въ этотъ часъ
Еще не сбыточно для насъ,
О чемъ не грезимъ и во снѣ, —
Свершится во время вполнѣ;
Не должно только засыпать,
И то, что мыслимъ забывать.

XI.

Летимъ! Какъ вихорь надъ горой,
Мой конь крутится подо мной
Въ степи далеко отъ людей.

Такъ метеоръ въ глуши ночей
По небу сыплетъ тьму лучей,
И трескомъ будить ночь отъ сна
И просыпается она.

Нигдѣ ни сель, ни городовъ;
Лишь даль безмѣрная луговъ,
Да кой-гдѣ рощи и лѣса,
Да сумрачныя небеса,
Да грозный видъ сѣдыхъ зубцовъ,
На высотахъ лѣсныхъ холмовъ,
Противъ Татаръ съ давнишнихъ лѣтъ
Построенныхъ — послѣдній слѣдъ
Людей въ безлюдной сторонѣ.
Въ недавней съ Турками войнѣ,

Лишь за годъ, среди тѣхъ полей
Звучали звуки ихъ мечей
И гдѣ пронесся строй коней,
Тамъ крови пролилась рѣка,
И нѣтъ ни травки ни цвѣтка!
Туманно небо, сѣдъ востокъ
И только легкой вѣтерокъ
Еще въ ушахъ моихъ жужжалъ:
Я тяжкимъ вздохомъ отвѣчалъ.
Летимъ, летимъ, летимъ стрѣлою!
И я ни вздохомъ, ни мольбой
Не въ силахъ груди облегчить
Холодный потъ лишь началъ лить
Съ чела на гриву бѣгуна,
И дыбомъ поднялась она.
Напуганъ, бѣшенъ, раздраженъ,
Все дальше, дальше мчался онъ;
Но думалъ я, придетъ-же часъ,
Когда отъ бѣгу утомясь,
Падетъ онъ. Я напрасно ждалъ,

Мой вѣсь его не утомлялъ, ,
 Но только къ бѣгу подстрѣкалъ.
 Движенье въ груди и въ ногахъ
 Въ немъ возбуждало гнѣвъ и страхъ :
 Я закричалъ, но голосъ мой
 Былъ слабъ и, въ тишинѣ нѣмой, ,
 На каждомъ звукѣ замиралъ, ,
 И глухо мертво лишь звучалъ :
 Смолой намазаны ремни
 По членамъ лишь скользятъ они ;
 Въ устахъ засохшихъ у меня
 Горѣло горячей огня. —

ХІІ.

Вотъ дикій лѣсъ : со всѣхъ сторонъ
 Безъ мѣры вдаль тянулся онъ, ,
 И въ немъ растутъ рады деревъ, ,
 Нетронутыхъ грозой вѣтровъ,

Которыхъ бѣшенный полетъ
Все ронить , клонить , бьетъ и рветъ ;
Но ихъ не много : между нихъ
Чаща кустарниковъ молодыхъ
Гордится роскошью листовъ —
Подъ кровомъ лѣтнихъ вечеровъ :
Но осень хладная придетъ
И листь и цвѣтъ на нихъ умереть ;
Тогда безжизненны, томны,
Среди пустынной тишины ,
Какъ будто здѣсь былъ страшный бой ,
Стоять съ ужасной наготой.
Какъ будто зимней ночи мгла
По мертвымъ членамъ разлила
Свой мертвый и мертвящій хладъ :
Не погребенные лежатъ
Они, — и крови хищный врань
Не пьетъ изъ отвердѣлыхъ ранъ.
Ужасный лѣсъ : здѣсь дубъ стоялъ ,
Тамъ яворъ гордо возвышалъ

Свою вершину ; тамъ съ сосной
Клень сплелся гордой головой.
Но, къ счастью, конь мой далеко
Бѣжалъ отъ нихъ, — не то легко
Я подъ ударами вѣтвей
Разстался-бъ съ жизнью моею.
Теперь—среди вѣтвей молодыхъ
Томленье хладныхъ ранъ моихъ
Я въ силахъ былъ еще сносить, —
Но тщетно узы разрѣшить
Я силился. Среди листовъ
Жужжалъ нашъ бѣгъ, какъ бѣгъ вѣтровъ,
За нами сучья, рядъ дерѣвъ
И стая бѣшеныхъ волковъ.
Я слышалъ, подъ ночью тьмой
Они гнались вблизи за мной,
И даже съ появленьемъ дня
Еще не бросили меня.
Я на разсвѣтъ видѣлъ ихъ
Среди кустарниковъ густыхъ,

Я слышала среди мглы ночной
Ихъ шелестъ, бѣгъ и страшный вой.
О! какъ теперь-бы я хотѣла
Владѣть мечемъ, иль пукомъ стрѣль,
Чтобъ умереть въ глуши лѣсовъ,
Положивъ множество враговъ. —
Какъ прежде сильно я желала,
Чтобъ конь мой въ степи мертвый палъ.
Такъ нынѣ страшно было мнѣ,
Чтобы въ пустынной тишинѣ
Полѣту не замедлилъ онъ.
Напрасный страхъ: онъ былъ рожденъ
Въ степи: быстрѣ серны бѣгъ:
Едва-ль скорѣ падалъ снѣгъ
Надъ поселяниномъ зимой,
Вблизи отъ хижины родной,
Который бѣдному служилъ
На мѣсто гроба и могилъ, —
Какъ онъ скакалъ въ глуши лѣсной,
Не укрощенъ ничьей уздой:

Не такъ ужасенъ вихрь степной,
 Носясь подъ тучей громовой, —
 Ни женщина, когда она
 На волѣ и — раздражена.

ХІІІ.

Лѣсъ конченъ... Полдень наступилъ,
 Но воздухъ страшно хладенъ былъ, —
 Иль, можетъ быть, поспѣшный бѣгъ
 Сильнѣй чѣмъ вѣтръ, иль дождь, иль снѣгъ
 Во мнѣ всю кровь оледѣнилъ. —
 Я былъ безчувственъ, недвижимъ,
 Какъ струи водъ подъ цѣпью зимъ.
 Неистовство, и скорбь, и страхъ,
 Терзанья въ груди и въ рукахъ,
 Морозъ и голодъ, стыдъ съ тоской,
 И узы съ жалкой наготой, —
 Огонь неистовыхъ страстей,

Наслѣдство матери моей,
 И кровь шипящая змѣей —
 Такъ диво-ли, что дневный свѣтъ
 Потухъ въ очахъ отъ мрака бѣдъ?
 Земля тряслась въ моихъ очахъ,
 Кружились тучи въ небесахъ,
 Я чувствовалъ, что подо мной
 Съ неизмѣримой глубиной
 Разсѣлина, — что конь скользилъ
 Туда: но это призракъ былъ.
 Конь мчался: съ тѣла у меня
 Еще не спало ни ремня.
 Томилось сердце, мозгъ горѣлъ,
 Кружилось небо, свѣтъ темнѣлъ,
 Деревья гнулись, блескъ огней
 Сверкалъ вблизи моихъ очей
 И поминутно исчезалъ:
 Кто умеръ, тотъ не испыталъ
 Подобныхъ мукъ въ послѣдній день.
 Измученъ дьявольской ѣздой,

Я чувствовалъ , — ночная тѣнь
Носилась страшно предо мной.
Я силился преодолѣть
Дремоту, но не могъ смотрѣть
Ни слышать: но казалось мнѣ ,
Что я нашусь по глубинѣ
Морскихъ взволнованныхъ зыбей, —
Что волны все сильнѣй, сильнѣй
Меня кружать и душать тамъ,
И гонять къ мертвымъ берегамъ.
Казалосѣ мнѣ, что жизнь моя,
Какъ мимолетная струя
Свѣтящихъ искръ въ полночный часъ,
Когда горячка мучить насъ ,
Еще блестить въ моихъ очахъ:
Пройдетъ горячка, но въ душахъ
Еще живетъ минувшій страхъ
Теперь — что значить умирать
Я испыталъ, — и пусть опять
Придется также пострадать

Что нужды? Съ гордою душой
Вступлю я съ смертью въ грозный бой.

XIV.

И вотъ опомнился. Гдѣ я?
Ужасный холодъ... Жизнь моя
Воспринимала ходъ свой вновь
За пульсомъ пульсъ... Внезапно кровь,
Сгущенная въ груди моей,
Холодной хлынула струей.
Невнятный звукъ въ моихъ ушахъ,
Дыханье ожило въ устахъ,
Трепещеть сердце, блескъ лучей
Пробился сквозь туманъ очей.
Казалось, легкою волной
Трепещеть влага подо мной
И звѣзды въ синихъ небесахъ
Блещаютъ въ радостныхъ лучахъ:
И такъ не сонъ... мой конь плыветъ

Чрезъ грозный токъ кипящихъ водъ,
И широка, и глубока,
Подъ нами зыблется рѣка
И мы стремимся по зыбямъ
Къ безмолвнымъ мрачнымъ берегамъ.
Безчувствіе нѣмаго сна
Прогнала жадная волна,
И бѣглый валъ упадокъ силъ
На время въ членахъ оживилъ.
Мой гордый конь, въ борьбѣ съ водой,
Бьетъ грудью волны подъ собой,
Вотъ сонный берегъ предо мной,
Но онъ не радовалъ меня
И мракъ и степи назади,
И ночь и ужасъ впереди,
Часовъ полночи, или дня
Я счастье не могъ: едва я зналъ
Что на землѣ еще дышалъ.

XV.

Съ блестящей шерстью, — парь съ боковъ
И грива дыбомъ, — изъ валовъ
На высь едва доступныхъ скаль
Мой дикій конь уже скакаль.
И вотъ равнина предо мной
Подъ тѣнью стелется ночной:
Впередъ! но кажется она,
Какъ бездна средь ночнаго сна,
Безъ мѣры длится на востокъ. —
Бѣлѣтъ тамъ и здѣсь песокъ,
И тамъ и здѣсь трава съ травой
Сплелась подъ свѣтлою луной.
Но нѣтъ ни хижинъ, ни лѣсовъ,
Ни человѣческихъ слѣдовъ.
Нигдѣ въ дали глухой, сѣдой,
Гостепріимною звѣздой
Фонарь не блещетъ. Лишь порой,

Смѣясь надъ тяжелой мукой бѣдъ,
 И тамъ и здѣсь блудящій свѣтъ
 Блеснетъ, обманетъ, пропадетъ.
 Съ нимъ вмѣстѣ вспыхнетъ и умретъ
 Въ измученной душѣ моей
 Надежда близости людей.

XVI.

Впередъ! Но конь мой утомленъ,
 Весь въ пѣнѣ, обезсилѣлъ онъ: —
 Теперь и слабое дитя
 Съ нимъ совладѣло-бы, шутя.
 Но онъ безъ пользы смиренъ сталъ:
 Я связанъ былъ и потерялъ
 Всю силу груди, рукъ и ногъ.
 Я покушался, сколько могъ
 Движеньемъ разорвать ремни:
 Но крѣпко связаны они.

Я только муки умножалъ
 И все сильнѣй, сильнѣй страдалъ.
 Вотъ тусклый блескъ ночныхъ свѣтилъ
 Мнѣ близость солнца возвѣстилъ:
 Какъ медленно идетъ оно!
 Я думалъ, мнѣ не суждено
 Дождаться, чтобъ ночная тѣнь
 Перемѣнилась въ свѣтлый день,
 Чтобы туманъ съ густою мглой
 Исчезъ предъ свѣтлою зарей
 Вотъ меркнуть звѣзды и востокъ
 Разцвѣлъ какъ розовый цвѣтокъ
 И ночь бѣжить — взошла заря
 И оживилась земля. —

XVII.

Вотъ солнце блескъ его лучей
 Прогналъ туманы отъ очей

Я вижу при сіяньи дня
Пустынню все кругомъ меня.
За чѣмъ-же мчался конь со мной
Лѣсами, степью и водой?
Здѣсь слѣду нѣтъ живыхъ людей,
Ни крику бѣшеныхъ звѣрей,
Ни звука въ воздухѣ нѣмомъ,
Ни насѣкомое крыломъ
Не прожужжитъ въ тиши степей,
Ни птичьихъ звучныхъ голосовъ
Не слышно изъ нѣмыхъ кустовъ.
Не мало версть еще мой конь, —
Какъ будто бѣшенный огонь
Въ немъ внутренности пожираль, —
Качаясь, медленно бѣжалъ
Въ безлюдной, мертвой тишинѣ.
Но вотъ, — почудилось мнѣ, —
Я слышу быстрый бѣгъ коней
Въ тѣни чернѣющихъ вѣтвей.
Ни вѣтръ-ли двигаетъ листы?

Нѣтъ, нѣтъ! раздвинулись кусты —
И, сколько вдалѣ я видѣть могъ,
Ко мнѣ стрѣлою со всѣхъ ногъ.
Стремятся кони. Я хотѣлъ
Кричать: но голосъ онѣмѣлъ.
Ихъ будто вихрь ко мнѣ несетъ,
Но кто-же ихъ въ степи пасеть?
Никто! Они передо мной:
Ихъ гривы подняты горой,
Раздуты ноздри: никогда
Ихъ не касалася узда,
Ихъ губъ не обагрѣла кровь
Отъ жесткихъ удилъ: сталь подковъ
Не разбивала ихъ копытъ,
Ихъ бокъ не пробовалъ бича
Ни шпоръ. Копытами стуча,
Стрѣлой табуны въ степи бѣжить:
Такъ точно волы съ слѣдъ волнамъ
Бѣгутъ по бѣшенымъ морямъ.
Ихъ видъ и въ моего коня

Послѣдній жарь его огня
Вдохнулъ: онъ быстро полетѣлъ,
Онъ фыркнулъ, слабо захрапѣлъ,
На ржанье ржаньемъ отвѣчала
И въ мигъ на мѣстѣ мертвый палъ:
Потухъ огонь въ его глазахъ,
Дыханье замерло: въ ногахъ
Движенья нѣтъ, застыла кровь,
Уснулъ и не проснется вновь.
Табунъ примчался. Онъ смотрѣлъ,
Какъ конь мой — мертвый — холодѣлъ
Какъ я на волю изъ ремней
Рвался и какъ въ крови моей
Багровѣлъ трупъ. Они стоятъ,
И воздухъ нюхаютъ, — храпятъ,
Бѣгутъ ко мнѣ, назадь, вокругъ,
Бьютъ землю, прыгаютъ и — вдругъ
Помчались за своимъ вождемъ
Громаднымъ — воронымъ конемъ, —
Всѣ въ мыль, пѣнутся, храпятъ,

И фыркають, — глядятъ назадъ,
Бѣгутъ, какъ вѣтеръ, въ даль степей
Отъ человѣческихъ очей. —
Они оставили меня
На трупъ бѣднаго коня
Въ нѣмой, отчаянной тоскѣ.
Мой конь — недвижимъ — на песокъ
Лежалъ, — на немъ я умиралъ
Въ ужасныхъ мукахъ и не зналъ
Блеснётъ-ли свѣтомъ день иной
Надъ безпомощной головой.
Съ утра до сумерекъ съдыхъ
Лежалъ я здѣсь въ степяхъ нѣмыхъ,
Часы текли: я сохранилъ
Къ несчастію довольно силъ,
Чтобъ близость смерти понимать
И безнадежно изныва
Былые годы предо мной
Являлись грозною чредой, —
И видѣлъ, что на свѣтъ нѣтъ

Не заслуженныхъ нами бѣдъ.
И странно, — счастья сыны,
Чья жизнь средь сладкой тишины,
Средь наслажденій и красотъ
И свѣтлыхъ радостей течеть,
Спокойнѣй, тише мрутъ, чѣмъ тотъ,
Кто жилъ средь горя и заботъ.
Для нихъ все было и прошло,
Все разцвѣло и отцвѣло —
Чего-жъ имъ больше въ жизни ждать,
О чемъ жалѣть и тосковать?
Но бѣдный думаетъ найти
Конецъ тернистаго пути,
Страдаетъ и отрады ждетъ
И смерть надежду унесетъ.
Вотъ близко радостей разсвѣтъ,
Конецъ страданій, горя, бѣдъ,
Онъ завтра слезъ не будетъ лить,
Терзаться, мучиться, тужить
И счастье райскою зарей

Блеснетъ предъ горестной душой:
Его онъ ждалъ уже давно. . .
И въ гробъ все погребено !

XVIII.

Склонилось солнце — я лежалъ,
Съ минуты на минуту ждалъ,
Что скоро мой несчастный прахъ,
Какъ пыль разсѣется въ пескахъ:
Въ глазахъ померкнулъ дневный свѣтъ, —
Конецъ всему — надежды нѣтъ.
Послѣднй взоръ я устремилъ
Къ странѣ сіяющихъ свѣтъ,
И вотъ — средь солнечныхъ лучей,
Едва замѣтенъ для очей,
Чернѣетъ ворона полеть:
Уже давно онъ пищи ждетъ,
Носясь въ лазури голубой

Все ближе, ближе, надо мной.
Вечерній сумракъ степь покрылъ:
Я чую вѣяніе крыль
Вблизи — надъ самой головой:
Хочу прогнать — нѣтъ больше силъ!....
Затрепетавшая рука,
Да шумъ засохшаго песка,
Да хриплый звукъ въ моихъ устахъ
Въ него еще вселили страхъ
И онъ исчезъ. Мои мечты
Терялись въ лонѣ пустоты:
Какой-то свѣтлою звѣздой,
Я любовался надъ собой,
Я холодѣлъ, я замиралъ,
Я плавалъ, падалъ и скакалъ,
Былъ мертвъ въ гробу и вновь дышалъ
Вотъ шумъ, вотъ снова тишина,
Вотъ степь, вотъ свѣтлая волна,
Вотъ сердце бьется, мозгъ горитъ,
Я мучусь: дневный свѣтъ бѣжить,

Какъ клубъ, отъ взора моего
И вздохъ — и больше нечего.

XIX.

Гдѣ я? Ужели предо мной
Во мракѣ блещетъ взоръ людской?
Ужель случилось мнѣ опять
На мягкомъ ложѣ отдыхать?
Ужель еще чей смертный глазъ
За мною смотритъ въ этотъ часъ?
Я думалъ, радостной мечтой
Обмануть духъ тревожный мой —
Мигнулъ — долой съ очей туманъ. —
Дѣвица! ростъ и стройный станъ,
Лице и длинные волосы —
Все полно нѣги и красы. —
Потокъ живительныхъ лучей
Изъ черныхъ, искристыхъ очей,

Еще увлажненныхъ слезой,
Лился отрадой надо мной.
Я удивлялся и не зналъ
Во снѣ-ли видѣль, иль не спалъ.
Но нѣтъ — я жилъ
И трупъ мой пищей не служилъ
Для ворона. Я въ первый разъ
Разкрылъ вполнѣ печати глазъ:
Козачка смотреть на меня
Съ улыбкой, полною огня;
Я говорить хотѣлъ но силъ,
Еще покой не обновилъ.
Я не владѣлъ ни языкомъ
Ни звуками: она перстомъ
И губами дала мнѣ знать,
Что долженъ я пока молчать, —
Потомъ коснулась рукой
Горящей головы моей,
Прокралась къ двери, и потомъ
Невнятнымъ тихимъ языкомъ

Сказала что-то. Звуки словъ,
 И шелестъ эфирныхъ шаговъ,
 Какъ звуки райскіе ко мнѣ
 Неслись въ пріятной тишинѣ.
 Она ушла, но слова взглядъ,
 И блеску полный и отрадъ,
 И снова знакъ, чтобъ показать,
 Что я не долженъ ожидать
 Ни бѣдъ, ни скорби ни какой;
 Что попеченье и покой
 Готовы; что опять со мной
 Она здѣсь будетъ тотъ-же часъ, —
 И вотъ сокрылася отъ глазъ.

XX.

Съ отцемъ и съ матерью опять
 Она взошла: но продолжать
 Разказъ — за чѣмъ? Они нашли

Меня въ степи, безъ чувствъ, въ пыли
И отнесли въ ближайшій домъ,
И къ жизни воззвали потомъ,
Чтобы быть мнѣ послѣ ихъ вождемъ.
А графъ — онъ думалъ утолить
Свой гнѣвъ; велѣлъ меня пустить
Въ крови, и въ ранахъ, въ наготѣ
На смерть въ безлюдной пустотѣ.
Глупецъ! — того не вѣдалъ онъ
Что возводилъ меня на тронъ. —
И кто изъ насъ впередъ могъ знать
Свою судьбу? Но унывать —
И безъ надеждъ ослабѣвать
Душой — и стыдно и грѣшно.
Быть можетъ, завтра суждено
Пастися нашимъ бѣгунамъ
По заднѣпровскимъ берегамъ.
Съ такой восторженной душой
Прощуся я съ родной страной
Какъ не бывало никогда.

Спокойной ночи, господа!»
И вотъ подъ тѣнью дуба онъ
Ложится, сильно утомлень;
Постель и влажна и жестка :
Но для лихаго козака
Тутъ нѣтъ дурнаго ничего, —
И сонъ сомкнулъ глаза его!
Быть можетъ спросять отчего
За повѣсть не благодарилъ
Король, но онъ не удивилъ
Мазепу: — старый гетманъ зналъ,
Что Карлъ ужъ часъ започивалъ.
